

ИЗВѢСТИЯ
ОТДѢЛЕНИЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Пров. 50

АКАДЕМИИ НАУКЪ

1914 г.

ТѢМА XIX-го КНИЖКА 2-я.

ПЕТРОГРАДЪ, 1914.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Ринкера въ Петроградѣ; Н. П. Карбасинова въ Петроградѣ,
Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Киевѣ; Н. Киммеля въ
Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ
Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Отчетъ о поѣздкѣ по Волынскому Полѣсью для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1913 года.

Отправляясь въ поѣздку по Волынскому Полѣсью въ 1910 году и намѣчая рядъ задачъ, которыя я предполагалъ выполнить во время этой поѣздки¹⁾, я еще до окончанія этой поѣздки къ сожалѣнію своему долженъ былъ сознаться, что для главной своей задачи, а именно для составленія «Очерка народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсся²⁾», послѣ окончанія этой поѣздки я не буду имѣть въ своемъ распоряженіи всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для осуществленія этой задачи. Районъ мѣстности былъ такъ обширенъ, материала было такъ много, и притомъ материала интереснаго, какъ въ діалектологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи, а въ соотвѣтствіи съ этимъ времени такъ мало, что послѣ окончанія поѣздки пришлось съ грустью сказать себѣ: «суждены намъ благіе порывы»... Хотя, правда, въ эту поѣздку для намѣченной цѣли удалось сдѣлать многое, однако неудача одного изъ такихъ порывовъ прежде всего сказалась для меня въ томъ, что я долженъ былъ отказаться отъ одной изъ поставленныхъ задачъ, а именно отъ группировки особенностей говоровъ по уѣзdamъ, такъ какъ обстоятельства показали, что для вполнѣ детального діалектологического обслѣданія одного уѣзда нужно было имѣть несравненно больше времени, чѣмъ то, которымъ я располагалъ для изученія всего Полѣсся³⁾. Затѣмъ, при

1) Извѣстія Академіи Наукъ, т. XVI, 1911 г., кн. 4, стр. 70.

2) Ibid., стр. 77.

3) Отчетъ Отдѣленія русск. яз. и словесности Ак. Наукъ за 1911 годъ, стр. 2—3 (отдѣльн. оттискъ).

всемъ обилії собраннаго матеріала, у меня не было всѣхъ данныхъ для характеристики типичныхъ особенностей говоровъ разныхъ мѣсть Полѣсья. Въ этомъ сознаніи и была предпринята мною вторая поѣздка, совершенная въ 1911 году. Подведеніе итоговъ этой поѣздки, въ связи съ приведеніемъ въ порядокъ собраннаго матеріала, обнаружило только нѣкоторые недочеты, а именно: незначительное количество данныхъ для установленія границы волынско-польскихъ говоровъ съ сѣверо-западной, западной, юго-западной и южной стороны (въ районѣ отъ западной границы Волынск. губ. до линіи Ю.-З. жел. дор.), а затѣмъ отсутствіе данныхъ для характеристики Владимірволынскаго Полѣсья, которое по своимъ особенностямъ, преимущественно въ с.-западной и западной частяхъ, представлялось мнѣ очень интереснымъ; между тѣмъ у меня не было матеріаловъ, какъ данныхъ, для сужденія о говорахъ этой мѣстности — сужденія, тѣмъ болѣе необходимаго, что я послѣ первой своей поѣздки (въ 1910 г.) позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы, касающіеся вообще группировки говоровъ Волынскаго Полѣсья. Говоры эти я группировалъ по двумъ категоріямъ: 1) говоры восточной части Волынскаго Полѣсья и 2) говоры западной части его, при чёмъ оговорился, что при собираніи новыхъ данныхъ возможны и допустимы измѣненія въ сдѣланной мною группировкѣ¹⁾). Въ виду этихъ соображеній возможно детальное ознакомленіе съ говорами западной, граничной части Волынскаго Полѣсья, какую представляеть Владимірволынскій уѣздъ, представлялось для меня дѣломъ поскольку необходимымъ, постольку и важнымъ съ точки зрѣнія полноты и законченности поставленной задачи, а равно и провѣрки тѣхъ наблюденій и выводовъ, какіе были сдѣланы мною ранѣе, во время предыдущихъ поѣздокъ, и которые отмѣчены въ представленныхъ мною въ Академію Наукъ отчетахъ. Выяснившіяся такимъ образомъ при приведеніи въ порядокъ собраннаго матеріала и установленіи плана предположенной работы обстоятельства побудили меня предпринять въ текущемъ году третью, заключительную поѣздку по Волынскому Полѣсью, ограничивъ ея районъ только западной частью Полѣсья, преимущественно польской частью Владимірволынскаго уѣзда. Цѣли этой моей поѣздки формулированы были слѣдующимъ образомъ:

1) Извѣстія Академіи Наукъ 1911 г., кн. 4, стр. 78—79.

1) Сделать записи, т. е. собрать материал, при чемъ, какъ и во время предыдущихъ моихъ поездокъ, преимущественное внимание должно было быть сосредоточиваемо на мѣстахъ глухихъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и желѣзной дороги. При записяхъ я пользовался помощью приобрѣтеннаго мною фонографа, который, какъ показалъ мнѣ мой личный опытъ, облегчаетъ дѣло; привлекая къ себѣ вниманіе крестьянъ и крестьянокъ, невольно втягиваетъ ихъ въ тотъ интересъ, ради коего существуетъ собиратель, и располагаетъ ихъ къ сообщенію интересующаго материала.

2) Уяснить особенности говоровъ полѣсской части Владимірволынскаго уѣзда, и особенно въ западной пограничной полосѣ Волынской губ., какъ въ той, которая граничитъ съ Люблинской губерніей, такъ и той, которая граничитъ съ Гродненской губ., преимущественно въ сѣверо-западной части, въ мѣстѣ расположенія озеръ: Лицемѣръ, Свитязь, Пулемецкое и св. Луки.

3) На основаніи выясненныхъ особенностей говоровъ установить границу говоровъ сѣверо-украинскаго и южно-украинскаго, въ районѣ отъ линіи Ю.-З. жел. дор. до западной границы Волынской губерніи.

4) Выдѣлить неукраинскіе элементы и отмѣтить переливы говоровъ, главнымъ образомъ, въ пограничной полосѣ.

5) Проверить тѣ выводы и наблюденія, какія были сделаны мною во время предыдущихъ поездокъ и изложены въ отчетахъ, представленныхъ въ Академію Наукъ¹⁾.

6) Изъ вопросовъ этнографического характера остановить особенное вниманіе на всемъ томъ, что характеризуетъ народную демонологію и преимущественно — на вѣрованіи въ существованіе вѣдьмъ, какъ орудій нечистой силы и ея продѣлокъ.

Руководствуясь формулированными задачами, я направился въ городъ Владимірволынскъ. На пути къ Владимірволынску, я имѣлъ остановку въ Овадно, а затѣмъ изъ Владимірволынска направился къ сѣверу, совершая свой путь зигзагами съ тою цѣлью, чтобы болѣе обстоя-

1) Извѣстія Академіи Наукъ 1911 г., кн. 4, стр. 67—94 и Отчетъ Отд. русск. яз. и словесности Академіи Наукъ за 1911 г., стр. 2—3.

тельно выяснить себѣ всѣ особенности мѣстныхъ говоровъ. Посыщены были мною слѣдующія мѣста: Овадно, Устилугъ, Корытница, Мосуръ, Ставки, Олескъ, Штунь, а затѣмъ Любомль, Куснище, Головно, Згораны, Шацкъ, Кропивники, Яревище, Пища и Гуща. Въ означенныхъ пунктахъ я встрѣчалъ полное содѣйствіе и помошь со стороны мѣстныхъ о.о. приходскихъ священниковъ, а также волостныхъ правленій въ лицѣ г.г. волостныхъ писарей и старшинъ, что облегчало выполненіе моей задачи. Кроме того на обратномъ пути мною была посыщена часть мѣстности, лежащая въ районѣ линіи ю.-з. жел. дороги между станціями: Рожище — Олыка — Клевань, съ цѣлью болѣе точнаго выясненія граматики полѣсскихъ говоровъ.

Особенно посчастливилось мнѣ въ с. Корытница, Шацкѣ, Штунѣ, Яревицахъ, Пищѣ и Гущѣ, где удалось сдѣлать записи пѣсенъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были напѣты на валики.

I. M. Корытница, Владимірволынскаго уезда.

1.

Я (=а) нашъ кгосподаръ молодый,
Пыдъ нымъ коныкъ вороный,
А вынь по полю обѣйджае,
До дому жэньцівъ збырае:
До дому, жэньці, до дому!
Вызгть выночокъ въ сторону;
Вынъ въ полю набу́ся,
Буйнога вітру начу́ся,
Ны такъ вітру, якъ дону́,
Бо я вжэ въ полю ны хόчу.

2.

Ночыі господній,
Місячны зорный,
Выдно хочъ голкі збырай.
Выйды, кохана,

Працюю зморана,
Хоць на хвилыночку ў гай.
Сядэмо кушкою
Тамъ підъ калыною,
Я падъ панамы тай панъ.
Вглініся, рыбыночко,
Срыбна хвілыночко,
Стелэця въ полі туманъ.
Нэбо нэ зміранэ,
Зорамы всыпаш,
Що то за Божа краса!
Я жъ тыбэ вірную
Ажъ до хатыночкі
Самъ на рукахъ заныеу.

3.

Нэ всі тэйі тай сады цвітутъ,
Нэ всіжъ тай развываюца,
Нэ всіжъ тэйі тай венчаюца,
Що любляюца, тай кохаюца.
Половына тыхъ садывъ цвітэ,
Половына осыпаэца
Йідна пара тай вынчаеца,
А другая розлучаеца.
Чырнявую отъ души люблю,
Зъ білявою обвінчаюса
А зъ рудою, прыпоганою,
Піду розпрощаюса.
Чырнявая тай ложкіе мыйє,
Білявая усьміхася,
А рудая прыпогана
Слізойкамы облываеца.

П. С. Штунъ, Владимиравольнского упѣза.

1.

Сама діевчына
Садъ садыла,
Сама я й буду полывать,
Сама я хлонця полюбыла,
Тэпэрь я мушу вікъ страждать.
Ні дывуйтэся вы, людэ!
Шо я ны лычко змарнела.

2.

Ходімо дывойкі въ долыну
По чырвоную калыну;
Будэмо калыну ламаты,
Будэмо бороду вѣтраты.

3.

Тыпэрь жэ намъ высёло,
Бо мы выночка нысэмо,
А ўшэ будэ высылій
Якъ положымо на столі,
Якъ повысымо на кулку,
Будэ горылка ю збанку.

4.

Зушуміела дуброва,
Заговорыла дорога.
Пановэ жэнъці ўшлы
І хорошенько съпэвалы,
Панові голосъ подалы.
Якъ панъ голосокъ почуе,
То панъ вычерь зготуэ.

А намъ вычера нэ мыла,
Шырокая ныва стомыла.
Ой ны такъ ныва, якъ горы,
Що шырокіе загонэ.

III. С. Шацкъ, Владимираволынскаго уезда.

1.

Ой на горі тай сухій дубъ,
А въ долыні орішокъ,
Подай мыла голосокъ.
Ой рада бъ я голосокъ дать,
У саду вышэнъкі шумлять,
На насъ людэ говоратъ.
Говорылы на мэнэ,
Тай щэ будуть на табэ,
Що ты ходышъ до мынэ.
Ой якъ ходышъ, то ходы.
Ой якъ любышъ, то любы.

2.

Ой гай, мамцю, гай,
Замужъ мынэ дай.
Но ны оддавай за нылюбойка,
Бо мні вроды жаль.
А моя врода, якъ быстрая вода,
Білэс лычко,
Чырвонэ облычко,
Сама молода.
Ой гай, мамцю, гай!
Салдаточкі йдуть,
Ой шырокайя тая доръжэнъка,
Куда воны йдуть.
Громко пісэнъкі поютъ,

А по за нымы тыйі жонатыйі (замужнія женщины)
 Дрыбны сльозы льлють.
 Йіхавъ я зъ войська,
 Йіхавъ зъ города,
 Ой ны нашовъ я такэйі красоткі,
 Якъ ты молода.
 Бо твоя врода,
 Якъ быстрая вода.

IV. С. Яревище, Владимираволынского уезда.

1.

Ты жъ зылэнный очыреть,
 То дай дітемъ вычыреть.
 Въ двадцать п'ятому году
 Вышла вдова по воду.
 Стала вдова воду браць,
 Ставъ кораблыкъ прышлываць.
 Вдова воду быре,
 Корабель блыжшэ плыве.
 Охъ ці вдова молода!
 Цы любышъ ты два сына?
 Я ѹідного люблю,
 А другого дождаю

(Отрывокъ изъ пѣсни «Ой у полю тыронъ»).

2.

Очэны кгосподару ворота!
 Да чэлядойка молода.
 Нэсэ выночка зъ золота,
 Зъ золота, зъ жыта,
 Чырвоная квітка прышыта.
 Ой то ны квітка-квіеточки,
 Бо його звылы дівочкі.

Хорошая звала,
Щэй хорыншай прынёсла,
Хорошая вродлыва,
Доброго батька дытына.

V. С. Гуща, Владимираволынского уезда.

Ой зъ за горы буйны вытэръ гэй повывае,
Я на моры казачэйко гэй потопае,
Ны потопай казачейку, гэй бо загынышъ,
Кого вірны любышъ той покіенышъ,
Ны загыну, тэцынько, гэй, ны загыну,
Кого вірны люблю ны покіену.
Якъ прыйхавъ казачэйку гэй пыдъ ворота,
Выйды, выйды, дівчыно, краша золота.
Я ны выйшла дівчына гэй, тылько маты,
Годы годы, затэньку, гэй жартуваты,
Прошу тыбә, затэньку, йды до хаты,
Бо вжэжъ твоя дівчына гэй споражона,
Я въ білому платычку гэй знаражона
На тысові лавоцці положена
Въ вышиевому садочку похована,
Высокая могила высыпана.

VI. С. Косаревъ, Дубенского уезда.

1.

Ой на горы жытэчко квітуе,
Тамъ донечка коровайнычківъ частуе.
Ой частуйтэ коровайночківъ, частуйтэ!
Оно (= только) мого батонька шануйтэ;
Якъ будытэ мого батонька шановаты,
То вінь буды юісты-пыты доношаты.

2.

Ой въ Косареві тай на рыночку,
Пьютъ молодыці мэдль-горылочку.
Пылы воны, да ѹ напэлыша,
За дівоньку дай побэлыша.
Стойтэ братъя, нэ быйтэся!
За дівоньку згодітэся.
Дівонька да ны вамъ будэ,
Дівонька да моя будэ.

VII. Дер. Писниково, Дубенск. у.

Вітрэцъ віе новіавае,
Я (= а) дубъ дуба похіетуйе,
Козакъ дівкі выпітуйе;
Здайся, дівко, говорыты,
То дамъ тобі вына шыты.
Я ны здамся говорыты,
Здайся, дівко, на пыідмову,
То вывэду на дорогу.
Я ны здамся пыідмову.

Приведенные пѣсни и отрывки, а также другой матеріаль, не попавший на валики, и наблюдения мои даютъ основаніе для установленія следующихъ характерныхъ фактовъ. Въ средней и съверной частяхъ територіи, лежащей на съверъ отъ Владимирволынска, особенности полесскихъ говоровъ, хотя и не всѣ, выражены за нѣкоторыми исключеніями довольно отчетливо и опредѣленно; въ южной части, именно по линіи Устилугъ-Владимирволынскъ, очень слабо, ихъ почти нѣть; послѣднее слѣдуетъ особенно сказать о территорії, лежащей на югъ отъ отмѣченной линіи. Въ западной, смежной съ Люблинской губ. части, особенности полесскихъ говоровъ тоже почти отсутствуютъ. Что же касается съверо-западной части, смежной съ Гродненской губерніей, то здѣсь вмѣстѣ съ

особенностями полесскихъ говоровъ, выраженныхъ впрочемъ далеко не во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи, приходится отмѣтить бѣлоруссизмы и полонизмы, а также черты великорусского говора. Что же касается особенностей полесскихъ говоровъ, то онъ группируются довольно неравномѣрно по территоії, расположенной къ сѣверу отъ линіи Устилугъ-Владиміроволынскъ, причемъ полоса, лежащая по теченію р. Бугъ, не вездѣ можетъ быть включена въ районъ полесскихъ говоровъ; особенности же этихъ послѣднихъ расположены такъ, что въ однихъ мѣстахъ преобладаютъ однѣ особенности; въ другихъ другія, которыхъ почти не замѣтно въ первыхъ. Такая картина объясняется дифференціаціей говора, вызываемой тѣмъ, что самое большое разстояніе, въ какомъ лежать такъ называемые глухіе пункты отъ желѣзной дороги и культурныхъ центровъ, это 35—40 верстъ. Кроме того, при существованіи довольно оживленныхъ ярмарокъ въ мѣстечкахъ и городахъ, создаются обстоятельства, способствующія нивелировкѣ тѣхъ особенностей говора, которая при отсутствії этихъ условій могли бы сохраниться прочно и устойчиво. Между тѣмъ въ дѣйствительности этого быть не можетъ, такъ какъ, напр., крестьяне сель, расположенныхъ въ районѣ Корытница-Устилугъ-Овадно, въ ярмарочные дни поѣзжаютъ какъ Устилугъ, такъ равно и Любомль. Сюда же въ ярмарочные дни прїезжаютъ крестьяне изъ Яревищъ, Крымно и даже Пищи (сѣверные поселки). Такимъ образомъ, происходитъ постоянное и можно сказать систематическое взаимное вліяніе говоровъ¹⁾. И если бы не упорная консервативность полышуковъ, ярче всего выражавшаяся въ преданности къ своему костюму, нарядамъ, то не было бы возможности собрать въ буквальномъ смыслѣ слова даже тѣ крохи, которыхъ удалось отмѣтить и записать.

Главнѣшія особенности сѣверно-волынскихъ говоровъ, которые удалось отмѣтить, сводятся къ слѣдующимъ.

1) См. мою замѣтку въ «Живой Старинѣ» 1902 г. вып. I, стр. 75—96. «Материалы для характеристики говоровъ Подольской губ.».

А. Фонетика.

1. Дифтонги.

а) *ie* (на мѣстѣ i) встречается главнымъ образомъ въ сѣверной и средней полосѣ посѣщенной мною территории, и очень мало въ южной; притомъ въ произношениі этого дифтонга можно встрѣтить большое разнообразіе; такъ, въ однихъ случаяхъ онъ получаетъ довольно опредѣленную огласовку въ своихъ обѣихъ составныхъ частяхъ, какъ напр. *ручкіе*, *йесты* (Штунь, Яревище); *скіенувъ* при *скінувъ* (Корытница); розніс-ныціе, робітныціе (Шацкъ). И въ приведенныхъ случаяхъ огласовка этого дифтонга не можетъ считаться вполнѣ устойчивой и постоянной, такъ какъ въ произношениі не только разныхъ лицъ, но даже иногда однихъ и тѣхъ же лицъ фиксируется не только неодинаково, но съ явной тенденціей къ экономіи произношенія путемъ стяженія, а именно: ручкі и т. д., но притомъ съ довольно явственной долготой замѣстителя дифтонга. Что же касается въ частности района Корытницы-Устилуга, то здѣсь дифтонгъ этотъ почти не встречается; кромѣ приведенного выше примѣра могу указать для данного мѣста еще: *панычіе*, *калачіе*, при коихъ можно слышать и: панычі, калачі.

б) *ie* (на мѣстѣ i изъ ѣ) даетъ больше примѣровъ, чѣмъ предыдущий, напр. біеласенікій (Штунь), зашумела (Яревище) и др.

в) *уо*, *уэ*. Эти дифтонги съ вполнѣ опредѣленной огласовкой, отличающейся притомъ устойчивостью произношениія обѣихъ частей, почти не встречаются, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, напр. *туолькі* при *тульки* (Олескъ, Яревище), *бзэмшз* при *бульшз* (Мосуръ, Ставки), *ялуовчюмъ* (Шацкъ), *на новуомъ столі* (Яревище). Эти неустойчивыя, точнѣе колеблющіяся въ произношениі формы, вполнѣ определенно говорять о существованіи этого дифтонга не только въ указаныхъ случаяхъ, но и въ тѣхъ, где на мѣстѣ ожидаемаго дифтонга приходится слышать У, какъ, напр., *сунз* (Мосуръ), *пупз*, *кунъ* (Яревище), *пушовъ* (Штунь). Такія же формы произношениія еще кое-гдѣ можно встрѣтить на югъ отъ линіи Устилугъ-Владимирволынскъ, т. е. въ районѣ, лежащемъ за предѣлами Полѣсья. Не рискуя впасть въ ошибку и допустить

погрешность въ точности, можно однако съ увѣренностью сказать, что дифтонгъ типа *yo*, *uэ* для данной мѣстности слѣдуетъ признать исчезающимъ, и совершенное исчезновеніе его является вопросомъ очень недалекаго будущаго.

Впрочемъ, быть можетъ, еще и въ настоящее время есть случаи и болѣе опредѣленной огласовки въ произношеніи частей этого дифтонга, и эти случаи возможно было бы наблюдать въ мѣстахъ, болѣе глухихъ, чѣмъ тѣ, коя посѣтилъ; однако виѣ всякаго сомнѣнія то обстоятельство, что благодаря частому общенню жителей отдѣльныхъ мѣсть, вызываемому житейскими нуждами,¹⁾, а также благодаря большей, чѣмъ въ восточной части Волынского Полѣсся, близости желѣзной дороги (Ковель-Владимирская, Варшавско-Ковельская, Брестъ-Ковельская и Брестъ-Холмская) къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, мы имѣемъ на лицо все благопріятныя условія для исчезновенія этой типичной особенности волынско-польскихъ говоровъ. Что же касается звука *y*, то въ роли замѣстителя дифтонговъ — *yo*, *uэ* онъ встрѣчается на довольно обширной территории и въ подавляющемъ количествѣ случаевъ, давая въ то же время доказательство существованія дифтонговъ и даже въ сравнительно недавнее время, особенно если принять во вниманіе быстроту нивелировки вообще особенностей говоровъ для данной мѣстности. Такія слова какъ: *пупъ*, *булъ*, *кунь*, *купъ*, (копъ) встрѣчаются на всемъ протяженіи посѣщенной мною территории, если провести линію отъ запада на востокъ, даже до ст. Олыка — этого пограничного пункта, могущаго служить гранью, отдѣляющей сѣверно-волынскій говоръ отъ южно-волынскаго. Даже южнѣе Олыки, въ районѣ Борбины, Хорлупы мнѣ приходилось слышать: *пастушку*, въ с. Писниково), не говоря уже напр. о с. Яревищахъ, гдѣ говорятъ: *згунь* (гонъ). Южнѣе Олыки, особенно въ словахъ съ окончаніемъ *ов* и *ев*, напр. *Карсувъ*, *Мошкувъ* (название сель), можно видѣть указаніе на исчезнувший дифтонгъ, какъ равно въ словѣ: *ножувъ* (ножей).

2. Замѣстителями: а) *A* ударяемо являются *ie*, *e*, *i*, *э*, напр. *взіелы* (Шацкъ), *чесѣ* и *чесѣ* (Штунь, Яревище, Мосуръ и Шацкъ); встречаются при этомъ и *чісѣ* (въ районѣ Крымно), *жесты*, *гаречый* (Олескъ),

1) См. выше стр. 78.

пожелує (Штунь), жіелуешъ (жалѣшъ), выріежаешъ, місецъ (Яревище); вычырать (Яревище); иногда въ роли замѣстителя является *и*; напр. дыйтэ (дайте) Шацкъ.

б) *A* безударного съ предшествующей мягкостью является *e*, напр. дітемъ (Яревище).

3) Замѣстителемъ *o*, э *ударлемыхъ* служать: *ы* и *у* напр. пыдъ, (Корытница, Яревище), вынъ (Яревище), пудъ — подъ (Мосурь).

б) *O* безударного — *y*, напр. шануваты, кушуваты (Штунь, Вишневъ и др.).

4) Замѣстителемъ *e* *ударлемаго* является иногда *a*, напр. лабэдъ (Штунь, Вишневъ); *e* безударного съ предшествующей мягкостью -*ы*, напр. тыронъ — тернъ (Яревище).

5) Звукъ *i* представляетъ ту особенность, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ является, какъ широкій, открытый — *ы*. Напр.: лышэ (Шацкъ), шырокая (Шацкъ), тынеръ (Штунь, Олескъ и др.).

Кромѣ того въ произношениі этотъ звукъ представляетъ примѣры узкаго, закрытаго, какъ напр. *ні до річкі* (Штунь), дівчынойкі (Шацкъ), а также средняго между первымъ и вторымъ, т. е. между *ы* и *i*; это можно наблюдать въ нѣкоторомъ рядѣ случаевъ и особенно послѣ *p*, напр. *стгілкі* (Корытница), *стрзіблы*, *горгілка* (Штунь).

При отмѣченномъ разнообразіи въ произношениі этого звука надо все-таки сказать, что преобладающимъ видомъ является широкій открытый *ы*. Замѣстителемъ этого звука, поскольку мнѣ пришлось наблюдать, бывають 1) э, напр. лішты-лѣпить (Шацкъ), лѣчко (тамъ же).

2) *A*, напр. апдычаныхъ яиепъ — индюшкиныхъ (Шацкъ).

6) Чередованіе звуковъ *i* и э *безударныхъ*, напр. высэлый и вэ-сэлый (Шацкъ, Олескъ, Мосурь, Штунь и др.). тэпэръ и тыпэръ (почти вездѣ).

7) Появленіе *e* на мѣстѣ *a* съ предыдущей мягкостью, какъ черта рѣдкая и исключительная, представляющая ту особенность, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *e* произносится довольно неявственно, и притомъ настолько, что какъ будто слышится звукъ средній между *e* и *a*. Эту особенность удалось мнѣ отмѣтить въ Шацкѣ и Яревищахъ.

Въ области гласныхъ типичной особенностью ихъ является твер-

дость, существующая на всем протяжении посещенной мною территории съ разными оттенками въ тѣхъ или иныхъ то болѣе, то менѣе многочисленныхъ слушаю; напр. *водыця, крыныця* и т. п. Заслуживаютъ особаго вниманія въ этой категоріи звуковъ слѣдующія особенности:

а) *Твердость губныхъ*, напр. тыбѣ, бѣ, пѣ (Штунь, Яревище, Крымно), пывищъ (Шацкъ и др.). При существованіи твердости губныхъ, какъ общей характерной черты, слѣдуетъ упомянуть и объ умягчительности этихъ звуковъ; слушаевъ этой умягчительности немногого, напр. білэсэнкій, пічка (Шацкъ, Штунь).

б) При существованіи твердости *переднеязычного голосового звука р*, какъ типичной и распространенной особенности говоровъ посещенной мною территории, о чемъ свидѣтельствуютъ такие факты, какъ напр. *крынычайка* (Штунь), *тыронг* (Яревище) чэрэвичкі, есть случаи умягчительности этого звука; но этихъ слушаевъ немногого, напр. *воргітэ* (Шацкъ), *горілка* (Штунь), *дргібны* (Шацкъ), срѣбнымы (Корытища) и др.

в) Двойкій характеръ произношенія *задненебного г*, который является въ рѣдкихъ слушаю, какъ мгновенный звукъ, напр. *глосподарз, кланокъ*; и въ подавляющемъ большинствѣ слушаевъ, какъ длительный фрикативный — латинскому *h*, напр. горі, гай и др. (вездѣ).

г) *Твердость небнозубного голосового звука л* въ значительномъ количествѣ слушаевъ, когда слѣдовало бы ожидать мягкости, какъ, напр. лышиш (Штунь, Олескъ), лытѣчко (Кропивники); при этомъ встрѣчаются и двойниковыя формы, особенно въ районѣ, расположенному по сторонамъ желѣзной дороги. Такъ, напр., въ с. Вишневѣ и отчасти въ Штунѣ и Куснишахъ и Згоранахъ можно слышать при лышиш и лішиш, при лыто и літо.

д) Замѣна *небно-зубного голосового л* носовымъ *н*, напр. въ зэмнѣ (Шацкъ, Яревище и др.).

е) *Смягченіе ст въ си*, напр. пусцю = пущу (Олескъ, Моеуръ).

Въ области фонетики главнейшая особенности можно исчерпать упоминаниемъ о существованіи приставного губного *в* въ словахъ: возро (Шацкъ), ворэшъ = опрѣшъ (Яревище) и о выпаденіи этого звука тамъ, где мы бы его ждали, напр. озымітэ = возьмите (Яревище).

Б. Морфологія.

Морфологическія особенности можно отмѣтить слѣдующія:

- 1) Чередование въ формѣ 3 л. ед. числа окончаній *ся*, *се* и *са*, при чьемъ формѣ съ окончаніемъ *са* немногого, и они встрѣчаются лишь въ сѣверной части Владимирволынскаго Полѣсъя, напр. напывса, вдавайса (Яревище). Преимущество въ количественномъ отношеніи имѣютъ формы съ окончаніемъ *ся*, чередующимся съ *се*, какъ напр. зажурывсе, зломывсе (Шацкъ, Згораны); впрочемъ нельзя сказать, что формы съ *се* принадлежать къ числу очень распространенныхъ; все же ихъ больше, чѣмъ съ *са*.
- 2) Чередование въ формѣ 3 л. множественнаго ч. окончаній *ть* и *тз*, какъ, напр. мѣгаютъ, скрываютъ (Шацкъ), тягнуть (Яревище), но люблять (Любомль, Заполье). Подавляющее количество случаевъ слѣдуетъ признать за формами съ *ть*.
- 3) Существование при обычной для украинскихъ говоровъ въ формѣ неопределенного наклоненія съ окончаніемъ, *ты* напр. страждаты (Штунь) гныты, жыты (Яревище), формъ съ окончаніемъ *тз*, которая можно сближать съ достигательнымъ наклоненіемъ церковно-славянскаго языка, тѣмъ болѣе, что тѣ случаи, какіе мнѣ удалось отмѣтить, относятся къ глаголамъ движенія, напр. прыплывать (Яревище), прыйижжать (Штунь), прыходыть (Олескъ).
- 4) Чередование окончаній *мо* и *мѣ* въ I лицѣ множеств. ч. съ преобладаніемъ формъ на *мо*, напр., будэмо (Штунь), пойдэмо (Олескъ).
- 5) Чередование словообразовательныхъ суффиксовъ *ойк* и *онък*, при чьемъ въ сѣверной части употребляется почти исключительно *ойк*, напр. вычэройка, журбойка (Яревище, Шацкъ, Кропывники, Крымно); что же касается южной и средней части (не далѣ Штуня), то здѣсь можно наблюдать употребленіе какъ того, такъ и другого суффикса, причемъ иногда встрѣчаются и двойниковые формы, т. е. одно и то же слово приходится слышать въ произношениіи съ тѣмъ и другимъ суффиксомъ (Корытница, Овадно).

Подводя итогъ особенностямъ, слѣдуетъ еще упомянуть о такихъ выраженияхъ, какъ: *ю збанку* (Штунь), *ю матонкі* и т. п.

В. Другія особенности.

Кромъ перечисленыхъ особенностей полесскихъ говоровъ мною отмѣчены иѣкоторыя особенности белорусскихъ говоровъ, а именно слѣдующія:

1) *Цеканье*, т. е. появленіе *и* въ положеніи передъ гласными въ концѣ слова на мѣстѣ *m*, напр., охъ ці вдова (*Яревище*), и на мѣстѣ *i* напр.: цы волы ны тянуць (*Яревище*).

Эта особенность попадается спорадически, начиная отъ Штуна и поднимаясь на сѣверъ вплоть до сѣверной границы Волынской губерніи.

2) *Аканье*, преимущественно въ сѣверной части, напр.: табэ (*Шацкъ*), карабля (*Яревище*), пшанычной (*Шацкъ* и *Кропивники*), чаго (*Згораны*).

3) Появленіе *u* на мѣстѣ *l* въ серединѣ словъ и въ концѣ словъ, особенно въ формѣ прошедшаго времени, при чемъ *u* образуетъ вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ одинъ звукъ-дифтонгъ, напр. жоуты (*Шацкъ*), набуусь и др.

Равнымъ образомъ нельзя не упомянуть о иѣкоторыхъ великорусскихъ выраженіяхъ, какія пришло мною слышать, когда я производилъ записи пѣсень, а также полонизмахъ.

А. Примѣры первого рода 1) отъ души люблю (*Корытница*), 2) у папашы, у мамашы.

Появленіе ихъ можно объяснить частью вліяніемъ солдатчины, а быть можетъ также и тѣмъ, что крестьяне, живущіе въ при-Бугской мѣстности, занимаются сплавомъ лѣса, и это оказало свое вліяніе на говоръ.

Б. Примѣры второго ряда: бардзо и др.

Выводы.

Принявъ во вниманіе тѣ наблюденія, какія были сдѣланы мною во время поѣздки текущаго (1913) года, и провѣривъ наблюденія, сдѣянныя мною во время поѣздокъ 1910 и 1911 гг., а также построенные на основаніи ихъ положенія, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

А. Въ отношеніи опредѣленія границы волынско-польскихъ говоровъ — (съверно-малорусскихъ Волынского Полесья).

Получивъ всѣ данные для установлениія границы съ южной, западной и съверо-западной сторонъ, а также оставляя въ главныхъ чертахъ безъ измѣненія границу, установленную въ моемъ отчетѣ 1911¹⁾ г., я долженъ внести поправку въ положеніе, формулированное мною такъ: «граница съверно-малорусского говора, поднимаясь, на съверо-западъ къ с. Курчиши, болѣе или менѣе прямою линіею идеть до Костополя (при линіи полѣскихъ жел. дор.). Отсюда линію можно направить до м. Деражня, а затѣмъ черезъ сс. Сильно, Игнатовку, Переспу, Углы до Турійска и Ковеля (стр. 3)». Хотя въ прошломъ (1912 г.) я и не путешествовалъ съ специальной цѣлью, но посѣщая этотъ районъ, я имѣлъ цѣлый рядъ случаевъ убѣдиться, что допустилъ неточность въ опредѣленіи границы; такъ, напр., въ Цуманѣ и Карпиловкѣ (южнѣ Деражня) мнѣ приходилось слышать явно выраженные особенности полѣскихъ говоровъ: *са*, З л. ед. ч., понеслѣса; появленіе сц изъ ст., напр. пусцю, и, наконецъ отсутствіе смягченія д въ ж и въ дж, напр. ходю и друг.; затѣмъ, даже южнѣ Цуманія (у ст. Олыка) есть деревни говоръ коихъ представлять нѣкоторыя особенности полѣскихъ говоровъ (Косарувъ, ножувъ и др.), но они встрѣчаются, правда, довольно рѣдко, и общій типъ говора не даетъ основанія причислять его къ полѣскимъ, какъ и территорію, лежащую на югъ отъ линіи Устилугъ-Владимирволынскъ, где попадаются мѣстами нѣкоторыя черты полѣскихъ говоровъ.

Исправляя отмѣченную въ опредѣленіи мною границы неточность и устанавливая границу съ западной и съверо-западной сторонъ, я полагаю держаться такого направленія. Ведя линію отъ с. Курчиши южнѣ Франкополя, нахожу болѣе правильнымъ направить ее не къ Костополю, а къ Александрії (у линіи полѣскихъ жел. дор.). Отсюда пограничная линія должна пройти на съверо-востокъ, немножко южнѣ Жабрина и Цуманія къ Жидычину, а затѣмъ черезъ Городинь, Твердынь, Мочульки, Могильно, Овадно до Корытницы. Не включая Корытницу въ районъ

1) Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ.-Академіи Наукъ за 1911 г.

волынско-польскихъ говоровъ, веду линію восточнѣ Корытницы, держась при этомъ въ направлениі на сѣверъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Буга, такъ что направление западной границы будетъ слѣдующее: Никитичи, Мосуръ, Штунь, Ягодинъ, Островки, Смоляры, Залѣсье, Пулемецъ.

Б. Въ отношеніи діалектологическихъ особенностей.

Дѣленіе Волынскаго Полѣсся, представляющаго разнообразіе оттѣнковъ польскихъ говоровъ на двѣ части: восточную и западную, какъ это установлено было мною на основаніи данныхъ поѣздки 1910 г., я признаю неподлежащимъ измѣненію, а потому остающимся во всей силѣ. Равнымъ образомъ не подлежать измѣненію и слѣдующія положенія, установленныя въ моемъ отчетѣ 1910 года: 1) Преобладаніе палатальности гласныхъ и согласныхъ звуковъ, какъ типичная особенность восточной части Волынскаго Полѣсся (п. 2); 2) Лабіализація звуковъ, какъ отличительная особенность исключительно восточной части Волынскаго Полѣсся. 3) Преобладаніе въ восточной части звука *i* узкаго и закрытаго, а въ западной-широкаго и открытаго. 4) Преобладаніе въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ звуковъ *e* и *ɛ* въ западной, и *i* и *u* въ восточной части¹⁾.

Что же касается другихъ положеній, то въ нихъ необходимо внести нѣкоторыя поправки, послѣ коихъ они могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Дифтонги и дифтонгическая сочетанія, отмѣченныя мною на всемъ протяженіи Волынскаго Полѣсся, отличаются явной тенденціей къ стяженію, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проявляется болѣе опредѣленно, въ другихъ менѣе опредѣленно и даже слабо. Въ этомъ отношеніи восточная часть Волынскаго Полѣсся даетъ примѣръ этой тенденціи къ стяженію дифтонговъ гораздо меньше, чѣмъ западная и даже средняя (районъ Луцкаго и Ровенскаго уѣздовъ); при этомъ наиболѣе удаленный отъ культурныхъ центровъ поселки (Копище, Лучинки) представляютъ довольно слабое выраженіе этой тенденціи. Наоборотъ, западная часть Волынскаго Полѣсся и южная полоса всего Полѣсся представляютъ цѣлые

1) Извѣст. Акад. Наукъ, т. XVI, 1911, кн. 4, стр. 92—93.

ряды случаевъ этой тенденціи, представляющей уже или вполнѣ законченные результаты въ видѣ стянутыхъ формъ (безъ дифтонговъ), или такъ называемыя двойниковые формы, о чёмъ была рѣчь выше, т. е. слова съ двоякимъ произношениемъ, при чёмъ въ одномъ случаѣ эти слова даютъ примѣры дифтонговъ, а въ другомъ тѣ же самыя слова произносятся безъ дифтонговъ. Такимъ образомъ, приходится отмѣтить довольно интересную въ діалектологическомъ отношеніи картину происходящаго вымиранія дифтонговъ, какъ типичной особенности говоровъ Волынскаго Полѣсся,—вымиранія, совершающагося то съ большей, то съ меньшей интенсивностью въ зависимости отъ степени влиянія разнообразныхъ культурныхъ условій (городъ, близость желѣзной дороги и др.).

Что же касается стяженія дифтонговъ, то оно представляетъ разновидности, довольно интересныя въ зависимости отъ мѣстности. Принимая за преобладающій, но не исключительный типъ дифтонга для восточной части Волынскаго Полѣсся *уо*, *уэ*, нужно замѣтить, что при стяженіи онъ даетъ въ большинствѣ случаевъ *у*, какъ напр. *пупъ*, *купъ*, *тульки*, *бульки*; иногда э, какъ напр. въ западной части: *кэпъ* (Штунь, Яревище), и очень рѣдко о: при *сунъ*, *сынъ* приходится слышать: *сонъ*; встречаются кромѣ того переходныя къ стянутой формы, какъ, напр., въ западной части Полѣсся: *къэшъ*, *бъэльшъ* и др.

Признавая за дифтонгомъ типа *ie* преобладающее, но не исключительное значеніе для западной части Волынскаго Полѣсся, необходимо отмѣтить слѣдующіе результаты стяженія его: а) зв. *i*, какъ въ западной, такъ и въ восточной части Полѣсся, какъ, напр., зашумила (Велединки—восточной части и Штунь—зап. части); б) зв. е только въ западной части какъ, напр. *коеточки* при *коисточки*; *паныче*, при *панычіе* и *панычії* (Яревище, Шашкъ), *умлыніе* и *умлынії*. Типичнымъ дифтонгомъ для западной части Полѣсся слѣдуетъ признать также ыэ на мѣстѣ ы. Дифтонгъ этотъ, который мнѣ удалось въ восточной части Полѣсся отмѣтить только на дальнемъ сѣверѣ (Копище), довольно распространенъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, и особенно явственно слышенъ въ разговорной, но не въ пѣсенной рѣчи.

2. Особенности белорусскихъ говоровъ, широко и опредѣленно выраженные въ говорахъ восточной части Волынскаго Полѣсся, въ западной

части выражены гораздо слабее, при чемъ въ средней части они почти отсутствуютъ, между тѣмъ какъ въ западной, точнѣе въ сѣверо-западномъ углу, не трудно уловить главнѣйшія особенности, какъ, напр.: аканье, цеканье и др.

3. Наконецъ, что касается преобладающаго значенія звука *у* для восточной части, на что мною было указано въ отчетѣ о поездкѣ въ 1910 г.¹⁾, то, какъ показываютъ наблюденія, онъ является замѣстителемъ дифтонговъ не только въ восточной, но и въ западной частяхъ Волынскаго Полѣсся. За исключеніемъ этой роли его, какъ замѣстителя дифтонговъ, въ остальныхъ случаяхъ его употребленіе въ восточной части шире и преимущественнѣе, чѣмъ въ западной, гдѣ его можно встрѣтить въ качествѣ замѣстителя и другихъ гласныхъ, напр., згунъ (Яревище — въ западной и Копище, въ восточной части) = сгонъ — мѣсто, куда склоняютъ коровъ, овецъ и др. домашнихъ животныхъ.

В. Въ отношеніи этнографическихъ особенностей.

Если особенности старины въ говорахъ жителей Волынского Полѣсся вымираютъ то съ большей, то съ меньшей интенсивностью, и это вымирание можно наблюдать со всей осознательностью и очевидностью, хотя бы напримѣръ въ двойниковыхъ формахъ, въ стяженіи дифтонговъ, то обѣ этнографическихъ особенностяхъ сказать этого нельзя; во-первыхъ, въ количественномъ отношеніи этого рода особенности представляютъ значительно больше материала, интереснаго для изслѣдователя, чѣмъ даннаго языка. Мнѣ, сосредоточившему свое преимущественное вниманіе на слѣдахъ народной демонологии въ вѣрованіяхъ полѣшуковъ, удалось собрать достаточно данныхъ для освѣщенія этого вопроса, изученію кото-раго я намѣренъ отдать свои незначительные досуги. Но при этомъ я долженъ замѣтить, что обиліе этнографического материала, о которомъ можетъ засвидѣтельствовать всякий, кто сколько-нибудь присматривался къ жизни Волынскихъ полѣшуковъ, тѣмъ не менѣе не гарантируетъ прочности его сохраненія даже при консервативности населенія и его любви къ родинѣ. Конечно, если говоря словами Пушкина: «обычай—деспотъ

1) Извѣст. Акад. Наукъ, т. XVI, 1911 г., кн. 4, стр. 93.

межъ людей», и притомъ даже интеллигентныхъ, то тѣмъ въ большей степени онъ является деспотомъ среди людей простыхъ, необразованныхъ. Подчиненіе ему у нихъ является обязательнымъ, не допускающимъ никакихъ возраженій и оспариваній. Но всѣ разнообразныя детали обычаевъ, хотя въ основныхъ чертахъ и сохраняющихся и поддерживаемыхъ, неизбѣжно уносятся въ лету забвенія, а при скептическомъ отношеніи деревенской молодежи къ старшему поколѣнію, которое является хранителемъ старины, многія интересныя детали исчезаютъ безслѣдно, такъ какъ чѣть доложного вниманія къ этимъ деталямъ со стороны тѣхъ, кто долженъ принять и сохранить этнографическій матеріалъ, какъ драгоценное наслѣдіе старины. Все это должно служить убѣдительнымъ стимуломъ къ тому, чтобы лица, коимъ дороги интересы науки и знаніе родной земли, посвятили бы свои силы для изученія того, что незамѣтно можетъ исчезнуть подъ напоромъ разнообразныхъ вліяній, стирающихъ безслѣдно остатки старины.

Въ заключеніе настоящаго отчета, являющагося въ итѣкоторомъ отношеніи итогомъ продолжительной работы по изученію говоровъ Волынского Полѣсся—работы, состоявшей въ собираніи и группировкѣ матеріала, характеризующаго родную мнѣ Волынь въ различныхъ отношеніяхъ, я считаю священнымъ долгомъ принести сердечную благодарность Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за предоставленную мнѣ матеріальную поддержку, а вмѣстѣ и возможность къ осуществленію завѣтной мечты юности — внести скромную ленту въ дѣло изученія родного края.

Вячеславъ Каминскій.

12 ноября 1913 г.

Варшава.

